
Т. В. КУЗНЕЦОВА

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ

Еще в начале 60-х годов прошлого столетия Т. Адорно констатировал симптомы кризиса традиционной эстетики как философской науки. «Понятие философской эстетики производит впечатление чего-то устаревшего, так же как и понятие системы или морали»¹¹. Ее место, по его наблюдениям, стали занимать своего рода теории художественного ремесла, в конечном счете сводящиеся к узко позитивистскому взгляду на вещи.

Однако тогда, в 60-е, 70-е и даже в 80-е годы, эти заметки Адорно казались совсем неочевидными. Мы хорошо помним международные эстетические конгрессы того времени, помним имена их ведущих участников, которые звучали достаточно громко, во всяком случае – в академическом сообществе. М. Дюфрен, П. Рикер, Ч. Дики – все они в разное время обогатили эстетическую мысль оригинальными идеями и серьезными исследованиями. Казалось бы, о кризисе не могло быть и речи. Тем не менее, предчувствие Адорно было во многом справедливым, и сегодня мы вряд ли сможем найти в каталогах зарубежных изданий какую-то новую фундаментальную работу, намечающую новые пути в эстетике. Да и у нас после периода бурного развития эстетики, начавшегося в середине 50-х гг. и давшего ряд плодотворно работающих школ, в том числе и московскую школу М. Ф. Овсянникова, наступил очевидный спад. Кто-то, в сущности говоря, подводит итоги сделанному, а кое-кто из заметных фигур эстетического движения 60-х–80-х гг. давно уже ушел в другие области знания: историю философии, социологию и, конечно, политологию. А молодые имена на эстетическом небосклоне почти не появляются...

Означает ли это, что те темы, над которыми традиционно работает эстетика, исчерпаны и закрыты? Рискну предположить, что

¹¹ Адорно, Т. Эстетическая теория. – М., 2001. – С. 471.

наступивший спад – временное явление, отражающее сужение горизонта духовных интересов общества.

Одним из характерных симптомов сложившейся на сегодня ситуации является вытеснение собственно эстетики в широком смысле этого слова такими более узкими и очень специализированными направлениями, как семиотика или социология культуры, которые, к тому же, сосредоточили свое внимание не на всей сфере эстетических явлений, а практически исключительно на одном искусстве. Сегодня работа, посвященная, допустим, такой традиционной теме, как эстетические категории, может, пожалуй, даже быть воспринята как своего рода анахронизм. Поскольку разработка традиционной эстетической проблематики как бы застыла на точке 20–30-летней давности, не происходит и развития системы эстетического знания, его адаптации к современному полю культуры.

Не в этом ли истоки того снижения креативного потенциала эстетики, которое было предсказано еще несколько десятилетий назад и которое мы сегодня отчетливо ощущаем?

Однако вряд ли можно рассчитывать на то, что позитивная тенденция сложится как-то сама собой. Для этого требуются целенаправленные усилия и, конечно, рефлексия, осмысливающая весь опыт развития эстетической мысли, в особенности в последние десятилетия.

С чего начать? На наш взгляд, надо вернуться к самой фундаментальной, коренной проблеме – проблеме эстетического отношения к действительности и попытаться вновь осмыслить в новых теоретических контекстах, в том числе включая ее в широкий комплекс современных знаний, накопленных в социальных науках в последние десятилетия. Однако при этом очень важно не утратить содержания классической эстетики – задача, которая, на наш взгляд, должна стать содержанием и смыслом особой исследовательской программы.

Итак, вновь об эстетическом...

Издавна известен такой тип отношений человека к миру, в котором объективное и субъективное начала как бы равноценны и находятся в состоянии гармонического равновесия. С одной стороны – человек, реагирующий на мир как целостная личность, выступающая во всей полноте своих духовных качеств, с другой сторо-

ны – предмет, значимый для этой личности просто потому, что он именно таков, каков есть. Данный предмет мне просто нравится или не нравится. И этот факт принимается как безусловный, без всякого анализа или обоснования, выступая как основание для суждения вкуса.

Такие отношения человека к миру мы называем *эстетическими*.

Восприятие эстетически привлекательных предметов и явлений доставляет человеку огромное наслаждение. Иногда говорят, что такие предметы «ласкают наши глаза и слух». Действительно, эстетическое отношение субъективно переживается как реакция на чувственно воспринимаемую форму предмета. Однако психологический механизм этой реакции отнюдь не сводится к зрительным и слуховым ощущениям. Сами по себе эти ощущения эстетически нейтральны. Восприятие становится эстетическим лишь в том случае, если оно воздействует на наш внутренний мир в целом. В этом смысле «органом» эстетического восприятия является не просто глаз или ухо, а душа человека. Благодаря этому в эстетическом переживании как бы спрессовывается весь наш многосторонний духовный опыт, представляющий собой сложнейший сплав индивидуальных взглядов и вкусов с усвоенным личностью богатством человеческой культуры, доставляя человеку огромное наслаждение.

Эстетическое отношение активизирует все стороны нашего «я», все наши духовные способности, вызывая их согласованное взаимодействие. Его духовный смысл состоит в том, чтобы пробудить самосознание целостности человека через чувственное восприятие богатства мира...²². При этом чувственное восприятие дополняется воображением и интеллектом, вбирая в себя сведения и понятия, добытые человеком в разных сферах его деятельности. Глаз стремится стать «умным глазом». То же относится и к нашему слуху.

Так, эстетическое переживание, возникшее у нас при виде дельфина, стремительно прорезающего сверкающую лазурь морской волны, несводимо к одному лишь восхищению, которое вызывают его грациозные движения. На зрительные впечатления невольно накладывается целый ряд ассоциаций, выработанных исто-

² Лукач, Д. Своеобразие эстетического. – Т. 2. – М., 1986. – С. 178.

рией культуры (образ моря как романтический символ стихии, идея гармонии живого существа и природы и т. п.), а также то, что в последние годы мы узнали о дельфине как о существе с очень сложной психической организацией, наделенном высокоразвитым мозгом, значительно превосходящим по совершенству мозг большинства других животных. Совокупность всех этих образов и идей в их взаимной соотнесенности и рождает в нас то удивительно теплое чувство восхищения и симпатии, с которым мы неизменно относимся к этим прекрасным созданиям.

Вместе с тем необходимо отметить, что участие различных духовных способностей в возникновении эстетического переживания не является функционально специализированным. Если, к примеру, эстетическое отношение одновременно с чувствами «включает» и разум, то это вовсе не означает, что разум тут же принимается за работу, к которой он непосредственно предназначен, то есть за размышление или исследование, систематически проверяемое правилами логики. Речь должна идти, скорее, об общей активизации наработанного разумом фонда понятий и представлений и их свободном сочетании с чувственными впечатлениями. Великий немецкий философ И. Кант определял это взаимодействие как свободную игру духовных сил человека, не имеющую какой-либо определенной задачи и цели.

«Игра», да еще «не имеющая определенной цели», – эти слова, безусловно, могут натолкнуть на мысль о том, что без способности рассматривать мир с эстетической точки зрения человек вполне мог бы обойтись. В известном смысле эта способность «бесполезна». Она не увеличивает урожай, не лечит болезни, не защищает человека от непогоды и от грозящих ему опасностей. Но как скучна и бесцветна была бы жизнь, если бы мы ею не обладали! Вот почему способность относиться к явлениям эстетически во все времена рассматривалась как очень важное человеческое свойство.

Эстетическое отношение наряду с утилитарным и теоретическим можно охарактеризовать как *универсальное*. Это значит, что каждое из них может быть направлено на предметы любой природы и на мир в целом. Таким образом, мир может предстать человеку (а человек противостоять ему) тремя различными способами, и жизнедеятельность человека, стало быть, протекает одновремен-

но как бы в «трех» измерениях. В каждом из них человек взаимодействует с окружающей действительностью особым образом. Но это значит, что он и отображает ее по-разному. Мир, включающий в себя и человеческое бытие, как бы проецируется на три различных экрана, имена которым суть *практическое, теоретическое и эстетическое сознание*; «рельефное», «стереоскопическое» и многоцветное изображение получается как бы совмещением этих трех «картинок».

Впрочем, «совмещение» реально требуется в теории, где мы способны мысленно разграничить различные сферы человеческого бытия и рассматривать их отдельно друг от друга лишь благодаря силе абстракций. Эта операция сродни расщеплению единого светового потока на отдельные линии спектра, ибо в реальной жизни утилитарное, теоретическое и эстетическое существуют лишь как моменты единого человеческого бытия, различные аспекты которого теснейшим образом переплетаются между собой.

Как человек, который только что смотрел вокруг с чисто утилитарной точки зрения или занимался изучением каких-либо явлений, вдруг переключается на эстетическое отношение?

Обычно это осуществляется в результате выполнения по крайней мере следующих взаимосвязанных условий.

Одно из них – наличие предмета, внешние качества которого выделяют его уже при непосредственном восприятии. Скажем, приятный цвет золота, напоминающий окраску солнечных лучей, является одной из причин того, что металл выступает не только материальным воплощением стоимости, но и как *эстетическая форма богатства*. Своеобразие внешней формы выполняет как бы пусковую функцию, задавая «установку на эстетическое».

Однако установка эта может сработать только в том случае, если человек в данный момент свободен от каких-либо подавляющих его дух забот. В противном случае он просто не сможет отвлечься от своих практических потребностей и сконцентрироваться на созерцании приглянувшегося ему предмета. Удрученные горем или охваченные жаждой наживы люди обычно нечувствительны даже к очень ярким жизненным впечатлениям, они не способны оценить именно их эстетические качества, ибо ими владеют совсем другие вещи.

Наконец, еще одним условием является возникновение устойчивых ассоциаций с ценностями, имеющими важный жизненный смысл. Мы любуемся тем, что подспудно связываем с достатком, благородством, физическим совершенством или совершенством конструкций, праздничными ритуалами, и испытываем отвращение к тому, что напоминает о бедности, болезни, несчастьях и т. п. К примеру, подчеркнуты обтекаемые обводы автомобиля нравятся нам потому, что вызывают ассоциацию со скоростью и мощностью, а косвенно – и с мотивами престижного характера: мощная быстрая машина говорит о богатстве и высоком социальном положении ее владельца.

Наши отношения к миру складываются исторически. По мере развития человека и общества, а также по мере того, как расширяется освоенная человеком область действительности, эти отношения становятся все богаче, разветвленнее, многообразнее.

Способность относиться к явлениям эстетически зародилась чрезвычайно давно. Многочисленные данные археологических раскопок свидетельствуют, что уже в глубокой древности люди не только боролись за выживание, но и старались придать внешнюю привлекательность как окружающим их вещам, так и самим себе. Известно, в частности, что первобытные люди тратили массу сил и времени на то, чтобы покрыть орнаментом свои сосуды, орудия труда и оружие, хотя на их утилитарных функциях это никак не сказывалось.

Самой древней формой эстетического отношения является различение *красивого* и *некрасивого*.

Способность производить такое различие имеет, очевидно, биологические корни, поскольку в поведении высокоорганизованных животных наблюдаются элементы, напоминающие эстетические реакции человека. Так, высшие позвоночные относятся к особям того же вида явно избирательно, причем их предпочтения в немалой степени зависят от демонстрации особых, данных самой природой «украшений», нередко совершенно бесполезных и для защиты от врагов, и для добывания пищи: таков, к примеру, изумрудно-золотой хвост павлина или величественная корона ветвистых рогов, венчающая голову оленя (рога – это, конечно, оружие, но прямые острые рога для нанесения удара гораздо удобнее).

Правда, сфера проявления таких «эстетических» реакций у животных крайне узка, как правило, они ограничены периодом «брачного поведения» и почти всегда только по отношению к возможным партнерам. Они возникают при строго определенном наборе раздражителей, соответствующих генотипу данного вида: так, самку павлина привлечет распущенный хвост самца, но оставит совершенно равнодушной не менее красивое оперение фазана. Когда брачный период у данного вида заканчивается, исчезают и реакции на внешнюю привлекательность.

Известно, правда, что некоторые птицы любят приносить к себе в гнезда различные блестящие предметы, но такого рода случаи весьма редки.

Человеческое чувство красоты, которое качественно отличается от примитивных реакций животных широтой диапазона, постоянством и богатством эмоциональных оттенков, формировалось на этой биологической основе в течение многих тысячелетий. Можно предположить, что этому способствовало соединение брачных инстинктов с характерным для приматов рефлексом «любопытства», проявляющимся в постоянном стремлении рассматривать и ощупывать все попадающиеся им необычные предметы. Вероятно, именно этот рефлекс способствовал превращению спорадически возникающей реакции на строго определенный вид раздражителей в устойчивую реакцию на форму вещи.

Однако решающую роль в генезисе собственно эстетического отношения как специфически человеческого свойства сыграло становление общественной формы жизни и культуры, закрепляющей историческую память человечества и выработанные им модели поведения, а также типы отношений к действительности в предметной и знаковой формах.

Первичные биологические реакции при этом не исчезают: так, физическая красота по-прежнему остается для нас сильнейшим магнитом. Однако эти реакции значительно усложняются и облагораживаются. Но самое главное – то, что человек приобретает способность оценивать как «красивые» и «некрасивые» самые разнообразные вещи и явления, вне какой бы то ни было связи со своими биологическими потребностями. Эти оценки являются уже продуктом культуры и несут в себе социальное содержание.

Историю человечества можно рассматривать с разных точек зрения: как процесс духовного саморазвития, как прогресс в осознании свободы, прогресс производительных сил. Можно рассматривать ее и как непрерывное расширение человеческого понимания красоты. Начальной точкой этого процесса является некое ядро биологически обусловленных реакций на строго определенный набор раздражителей, которые постепенно обволакиваются все новыми и новыми предметными слоями, постоянно раздвигая границы той сферы, в которой понятие красоты оказывается реальным и действенным.

Этот непрерывный процесс имеет свой специфический внутренний механизм – преобразование неэстетических отношений и реакций в эстетические.

И польза, и благо, и истина, и моральное достоинство при определенных условиях могут переосмысляться эстетически, становясь как бы внутренней подосновой красоты. При этом неэстетическая ценность сохраняется в эстетической в «снятом» виде. Даже не исчезая, она отходит на второй план, переходя в «свернутую», «виртуальную» форму.

Так, ожерелья из зубов леопарда на шее первобытных охотников и воинов вначале, по-видимому, были призваны продемонстрировать всем окружающим, что их обладатели – настоящие мужчины. Кроме того, зубы леопарда имели ритуально-магическое значение: первобытные люди верили, что обладание ими как бы приобщает человека к силе и ловкости зверя. И лишь впоследствии такие ожерелья стали восприниматься как деталь костюма, которую носят «для красоты». Когда это произошло, появилась возможность эстетического замещения: зубы, к примеру, могут быть уже не настоящими, а изготовленными из серебра или золота. Первоначальный смысл ожерелья как магического предмета переводится, таким образом, в чисто символическую форму. Впоследствии, когда и этот символический смысл постепенно «стирается», вследствие чего за ожерельем устойчиво и однозначно закрепляется функция украшения, открывается возможность изменить даже и саму форму звеньев, из которых оно состоит: она может стать самой разнообразной, зачастую чисто фантазийной.

У многих народов семенящая походка долгое время считалась обязательным атрибутом женской красоты. Древние китайцы даже изготавливали специальную обувь, в которой просто невозможно делать широкие шаги, а древние египтяне с этой же целью сильно зауживали низ женского платья. Отчего мог появиться такой обычай? Какой доэстетический смысл лежал в его основе? Главным образом, тот, что сковывающие движения наряды могли носить только женщины, не занятые трудом, то есть женщины из богатой и знатной семьи. Демонстрация праздности, связанной с высоким социальным положением, приобретая косвенную форму, форму «намек», преображалась в эстетическую форму, в представление о красивом.

Претворение неэстетических ценностей в эстетические – процесс не менее таинственный, чем библейское превращение воды в вино.

Управляющие этим таинством психологические законы весьма сложны и до конца не познаны. Поэтому предсказать, какие явления приобретут эстетическое значение, а какие – нет, заранее совершенно невозможно. Однако когда это происходит, мы всякий раз снова и снова можем убедиться, что эстетическое отношение возникает из неэстетического и является, таким образом, особой ступенью в процессе включения того или иного предмета в систему культуры.

Коль скоро красота вбирает в себя содержание общественной практики и культуры, она выступает не как некая постоянная сущность, а как нечто изменчивое. Изменчивость эта имеет три основных вектора.

Первый из них – этнокультурный.

Его мы выделяем в связи с тем, что понимание и образы красоты варьируют от народа к народу, причем у народов, принадлежащих к различным цивилизациям, они отстоят друг от друга достаточно далеко. Это не исключает культурных взаимодействий, которые усиливаются по мере того, как международные контакты становятся все более интенсивными. Но все-таки и в условиях такого взаимодействия каждый народ вносит в представление о красоте что-то свое, сохраняя, таким образом, свое духовное своеобразие. Современный житель Токио носит европейский костюм, смотрит

европейские фильмы, слушает американский рок, но ему, как и средневековому японцу, симметричная форма кажется некрасивой, в то время как в европейских культурах симметрия, наоборот, издавна считалась одним из признаков красоты.

Далее. В рамках одной и той же национальной культуры представления о красоте у различных общественных слоев и классов обычно не совсем одинаковые. Крестьянину, привыкшему ценить здоровье и крепкую статью, светская «воздушная» красавица скорее всего показалась бы не утонченной и изысканной, а просто болезненной. В этой связи мы можем говорить о *социальном* векторе красоты.

Наконец, красота имеет и культурно-исторический вектор эволюции, связанный с тем, что и национальные культуры, и охватывающие многие национальные культуры региональные цивилизации («западная», «африканская», «исламская» и т. п.), и человеческая цивилизация в целом погружены в общий поток истории, в котором каждая из них также меняется. Процесс этот захватывает все стороны жизни, включая и сферу эстетических отношений к действительности.

Хотя красоту иногда называют «вечной», далеко не все, что казалось красивым в прошлом, сохраняется таковым и сегодня.

Скажем, бургундский костюм XV в. с его длинными клювообразными башлыками, пуфообразными рукавами и свисающими до пят упледами на наш вкус отличается скорее пышностью и экстравагантностью, чем собственно красотой. Точно так же запечатленные на портретах королевские фаворитки тех времен с тщательно выбритыми лбами и висками (считалось, что подчеркнуто высокий выпуклый лоб делает женщину привлекательнее) чаще всего оставляют нас совершенно равнодушными (интересно, как воспринял бы галантный и церемонный французский двор современную красавицу в спортивной куртке и джинсах, если бы какой-нибудь машине времени удалось перенести ее на 300 или 400 лет назад?).

Рассматривая способность относиться к миру эстетически в ее историческом развитии, мы должны отметить, что «сфера красоты» обладает очень подвижными границами, причем границы эти являются то сравнительно ясно очерченными и жесткими, то несколько «размытыми» и проницаемыми. Однако в динамике всех

тех изменений, которые связаны с развитием эстетической способности, прослеживается одна устойчивая тенденция – по мере развития цивилизации представление о красоте внутренне дифференцируется. Нерасчлененное вначале, оно постепенно усложняется, и люди начинают различать разнообразные ее оттенки и виды: изящество, грациозность, красочность, соразмерность и т. п. Постепенно чувство красоты из непосредственной реакции на цвет и форму превращается в сложное переживание, включающее в себя глубокое духовное содержание, связанное с нашими представлениями о том, какими должны быть человек и окружающий его мир. Жизнь начинает соотноситься с создаваемым нашим воображением и мышлением *эстетическим идеалом*. Так рождается идея прекрасного и представление о прекрасном как о высшей, духовно обогороженной и общественно значимой форме красоты.

В начальный период истории «предметное поле» красоты еще очень узко. Однако помимо биологически обусловленной привлекательности мужчины и женщины мы видим здесь уже стремление украсить утварь и оружие разнообразными простейшими орнаментами. Природа, полная опасностей, с точки зрения красоты не воспринимается. Отношение к ней утилитарное, объектом незаинтересованного любования она пока стать не может, ибо человек еще слишком озабочен тем, что он должен взять у нее для поддержания своего существования. Возможно, правда, что в позднем палеолите человек уже начинает подспудно чувствовать красоту животного. Во всяком случае, знаменитые рисунки в пещере Альтамира, относящиеся к мадленской эпохе (15–8 тыс. лет до н. э.), прекрасно передают не только сам облик диких людей и быков, но и их пластику, подчеркивая физическую мощь и динамику движения. Однако вряд ли сами авторы относились к этому качеству как к некоей ценности или предмету любования. Скорее, они просто стремились подчеркнуть те качества, которые делали жизнь охотничьего племени трудной и опасной и, следовательно, были для них наиболее важными, привлекали наибольшее внимание.

В пользу этого предположения говорит то, что в дальнейшем интерес к этим качествам в значительной мере пропадает, и животные (так же, как и люди) запечатлеваются в виде схематичных фигурок, фиксирующих наиболее важные для жизни человека ситуа-

ции и отношения. Таковы, например, наскальные иероглифы Карелии, относящиеся уже к эпохе неолита (IV–III тыс. до н. э.), выполняющие функцию не столько эстетического освоения мира, сколько обозначения и закрепления в форме изобразительных знаков связей первобытной общины с окружающими ее предметами и пространством – отрезком берега, лесом, рекой и т. п.³³

Сравнительно уравновешенные, ненапряженные отношения первобытного социального коллектива (род, племя, община) и окружающей его среды обитания, которые устанавливаются на почве перехода к земледельческой культуре на последних ступенях первобытно-общинного строя, непосредственно предшествующих возникновению классового общества, создают объективные условия, при которых объектом эстетического отношения впервые становится природа. На этих первых стадиях она еще не воспринимается как целое, как «мироздание», и выступает чрезвычайно конкретно: речь идет о ландшафте, в котором формируется культура данного народа; «чужая» природа, с которой люди сталкиваются в походах и торговых путешествиях, как правило, не побуждает эмоциональных откликов, не ассоциируется с положительным спектром ценностей. Но восприятие примет родного края порой окрашивается в прямо-таки трогательные тона. В народном фольклоре этого периода появляются эпитеты, выражающие оценочное отношение к различным природным явлениям и объектам и выделяющие их привлекательность для восприятия качеств («красна девица», «шелковая трава», «белые руки», «ясноликая дева», «искрящийся змей», «красное золото скандинавской Эдды» и т. п.). Эти эпитеты пока еще однообразны и, с точки зрения более развитого эстетического чувства, стандартны и маловыразительны, но по отношению к более архаическим памятникам культуры это культурно-исторический сдвиг огромного значения.

³³ См. подробнее: Саватеев, Ю. А. Наскальные рисунки Карелии. – Петрозаводск, 1983. – С. 172–173.